

Иванъ-Сирота.

Жилъ-былъ одинъ старикъ.

А у этого старика былъ сынъ, по имени Иванъ.

Была у старика хата, курочка, утка, пѣтухъ да куль муки.

Вотъ почувствовалъ однажды старикъ, что приходитъ ему конецъ, призвалъ къ себѣ сына и говорить:

— Ну, Иванъ, пожилъ я довольно, пора моимъ старымъ костямъ и на покой. Оставляю я тебѣ курочку, утку, пѣтуха да куль муки. Живи тихо и смирно, не дѣлай никому худого, авось, Господь сироту не оставитъ.

Сказалъ это старикъ, благословилъ сына и умеръ.

Долго горевалъ Иванъ, да ничѣмъ нельзя было помочь горю.

Похоронилъ онъ отца и сталъ жить одинъ въ своей избушкѣ.

Вотъ пришелъ разъ Иванъ съ работы, только-было хотѣлъ корку хлѣба поѣсть, глядь—къ избѣ ветхій старичокъ подходитъ.

Подошелъ старичокъ къ окну, увидалъ Ивана и говорить:

— Божій человѣкъ, накорми меня, старика. Цѣлый день маковой росинки во рту не было.

А Иванъ и отвѣчаетъ:

— Заходи, дѣдушка, въ избу.

Зашелъ ветхій старичокъ въ избу, помолился на образа и сѣлъ на лавку.

А Иванъ принесъ дровъ, затопилъ печь, зарѣзалъ курочку, зажарилъ ее и подалъ гостю.

Сѣлъ ветхій старичокъ курочку, поблагодарилъ и говорить:

— Спасибо тебѣ, Иванъ-Сирота. У самого у тебя мало было, а меня, старика, пожалѣлъ. Отблагодарю и я тебя. Слушай же меня хорошенько. Какъ пойдешь ты черезъ пять дней въ поле, увидишь на дорогѣ камешекъ пестренькій. Возьми этотъ камешекъ и спрячь въ карманъ. Не простой это будетъ камешекъ. Какъ переложить ты его за пазуху, такъ станешь ты птичій языкъ понимать.

Сказалъ это ветхій старичокъ и ушелъ.

А Иванъ за работу принялся.

Вотъ пошелъ онъ на слѣдующій день на работу, наработался въ волю и вернулся домой.

Глядь, а къ его избѣ еще болѣе ветхій старичокъ идетъ.

Подошелъ старецъ къ окну и говорить:

— Не покормишь ли меня, добрый молодецъ? Вотъ ужъ двое сутокъ, какъ я ничего не ѣлъ.

Жаль стало Ивану старца.

Позвалъ онъ его въ избу, принесъ дровъ, затопилъ печь, зарѣзалъ уточку, изжарилъ ее и подалъ ветхому старику.

Сѣлъ старикъ уточку и говорить:

— Ну, спасибо тебѣ, добрый молодецъ. Самъ бѣденъ, а для меня уточки не пожалѣлъ. Отблагодарю и я тебя за это. Слушай меня хорошенько: какъ будешь ты черезъ четыре дня возвращаться съ поля домой, увидишь ты больного щенка. Возьми къ себѣ. Не простой то будетъ щенокъ, а дивный, будетъ онъ рѣчь твою понимать и человѣческимъ голосомъ говорить.

Сказалъ это ветхій старичокъ и ушелъ.

Пошелъ на третій день работать въ поле Иванъ.

Наработался въ волю, пришелъ домой, взялъ-было кра-

юшку хлѣба и хотѣлъ за ѣду приняться, глядь, — а къ окну старикъ идетъ.

Старый-престарый, борода сѣдая до земли, еле ноги передвигаетъ, на палку опирается.

Подошелъ третій старецъ къ окну и говоритъ:

— Здравствуй, Иванъ-Сирота. Покорми меня, старца. Три дня ничего я не ѣлъ, совсѣмъ съ голоду умираю.

Жаль стало Ивану старца, онъ и говорить ему:

— Заходи, дѣдушка, въ избу, авось, голоднаго не отпущу.

А самъ затопилъ печь, зарѣзалъ пѣтушка, изжарилъ его и подалъ старцу.

Сѣлъ старецъ пѣтушка и говоритъ:

— Спасибо тебѣ, Иванъ-Сирота. Не пожалѣлъ ты для меня послѣдняго пѣтушка, отблагодарю и я тебя.

Вынулъ тутъ старецъ изъ кармана золотой перстенецъ, подалъ его Ивану-Сиротѣ и говоритъ:

— Коли будешь ты въ бѣдѣ, надѣнь этотъ перстенецъ на палецъ, онъ тебѣ въ бѣдѣ поможетъ.

Сказалъ это старецъ, помолился на образа, поблагодарилъ еще разъ Ивана-Сироту и ушелъ.

Вотъ прошло пять дней съ той поры, какъ къ Ивану первый старецъ приходилъ.

Всталъ утромъ Иванъ, попилъ водички, поѣлъ хлѣбца и пошелъ въ поле.

Вышелъ на дорогу, глядитъ, — камешекъ рябенкій лежитъ.

Поднялъ его Иванъ-Сирота, положилъ въ карманъ и пошелъ дальше.

Поработалъ онъ въ полѣ, сколько было нужно и отправился домой.

Глядь,—сидитъ въ травѣ больной щенокъ, да такъ жалобно повизгиваетъ.

Поднялъ Иванъ щенка, взялъ его на руки и принесъ домой.

Только посадилъ-было его дома на лавку, а щенокъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ:

— Ну, Иванъ, взялъ ты меня, больного щенка, сумѣй и выкормить. Дай мнѣ барана.

— Далъ бы я тебѣ барана, да нѣтъ у меня его и денегъ нѣтъ. У самаго только три пригоршни муки,—отвѣчаетъ Иванъ.

А щенокъ и говорить:

— Продай соху и борону, а на тѣ деньги мнѣ барана купи. Наберусь я силы—тебѣ же службу сослужу.

Послушался Иванъ-Сирота.

Продалъ онъ соху и борону, купилъ барана, закололъ и далъ щенку.

А самъ себѣ изъ горсти муки лепешку испекъ.

Сѣлъ щенокъ барана, сталъ вдвое больше, легъ подъ лавку и до слѣдующаго дня проспалъ.

Наступилъ слѣдующій день, щенокъ и говорить Ивану:

— Чувствую я, хозяинъ, что силы у меня прибавилось. Давай мнѣ сегодня пять барановъ.

— Да гдѣ же я ихъ возьму? — спрашиваетъ Иванъ-Сирота.

А щенокъ и отвѣчаетъ:

— Продай лошадь. А ужъ я тебѣ услужу.

Послушалъ Иванъ щенка, продalъ лошадь, купилъ пяти-терыхъ барановъ, зарѣзалъ ихъ и отдалъ щенку.

Сѣлъ ихъ щенокъ, сталъ здоровымъ псомъ, легъ подъ лавку и проспалъ до утра.

Проснулся песъ утромъ и говорить Ивану:

— Ну, хозяинъ, прокормилъ ты меня два дня, прокорми меня и сегодня. Чувствую я голодъ великій, чувствую, что наберусь я силы сегодня окончательно. Достань-ка мнѣ десять барановъ.

Призадумался Иванъ.

А песъ ему снова говорить:

— Продай избу, не пожалѣешь. Отплачу я тебѣ хорошо за твою заботу.

Послушалъ своего пса Иванъ.

Продалъ онъ избу, купилъ десять барановъ, зарѣзалъ ихъ и далъ псу.

А самъ изъ послѣдней горсти муки лепешку себѣ испекъ и ею закусилъ.

Сѣлъ псѣ въѣхъ десятерыхъ барановъ и превратился въ могучаго пса, въ такого здороваго, что даже подъ лавкой ему мѣста нехватало.

Легъ онъ посреди избы и заснулъ.

А Иванъ-Сирота тѣмъ временемъ шапку надѣлъ, да и пошелъ въ лѣсъ погулять.

Пришелъ онъ въ лѣсъ, сѣлъ подъ деревомъ и сидитъ.

Вдругъ видитъ,—прилетѣли на дерево два щегла.

Сѣли на вѣточку и стали другъ съ другомъ разговаривать.

Вотъ и слышитъ Иванъ, какъ одинъ изъ щегловъ говорить:

— Ну, братецъ, полеталъ я сегодня по бѣлому свѣту. Леталъ я въ восьмое отсюда царство и видѣлъ я диводивное. Въ большомъ лѣсу видѣлъ я поляну, а посреди той поляны чугунная плита лежитъ и къ той плитѣ кольцо приковано. Только вылетѣлъ я на ту поляну, глядь, а плита приподнялась и изъ нея духъ вышелъ. Вышелъ тотъ духъ и говоритъ:— „Ну, еще ни одинъ простой человѣкъ мною повелѣвать не научился. А то бы тотъ человѣкъ моимъ господиномъ сталъ и я для него все бы дѣлать долженъ былъ, а богатство трехъ колдуній къ нему бы перешло“.

А другой щегленокъ и говоритъ:

— Экую, братъ, новость сказалъ, я уже давно эту поляну и духа видѣлъ. И знаю, какое слово человѣкъ ему сказать долженъ, чтобы его покорить. Да только, чтобы это слово силу имѣло, надо разрѣшеніе отъ трехъ старухъ получить, что въ дремучемъ лѣсу, въ седьмомъ царствѣ отсюда, живутъ.

Первый щеголь и спрашиваетъ:

— А какія это слова?

— Да вотъ, стоитъ только, послѣ разрѣшенія трехъ старухъ, сказать:— „духъ, появись!“—все будетъ готово,—отвѣтилъ другой щеголь.

Поговорили еще птички и улетѣли.

А Иванъ-Сирота тѣ слова ихъ запомнилъ.

Посидѣлъ онъ подѣ деревомъ еще нѣкоторое время и пошелъ домой.

Пришелъ, раздѣлся, легъ въ постель, а самъ думаетъ:

„Что же это вышло? То у меня и изба, и лошадь, и борона, и соха была, а теперь я понимаю птичій языкъ, есть у меня песь богатырскій и перстенекъ, а ѣсть нечего и ни кола, ни двора не осталось“.

Заснулъ Иванъ-Сирота печальный-препечальный.

Проснулся на слѣдующій день Иванъ-Сирота, а песь богатырскій около его кровати сидитъ и на него глядитъ.

И говоритъ песь Ивану:

— Что вчера подѣлывалъ, хозяинъ?

Разсказалъ тутъ Иванъ-Сирота, какъ ходилъ онъ гулять и что слышалъ отъ птичекъ, разсказалъ про думы свои невеселыя.

А песь богатырскій и отвѣчаетъ ему:

— Не тужи, хозяинъ. Сумѣлъ ты меня три дня прокормить, не пожалѣлъ своего добра, а теперь и я тебѣ службу сослужу. Садись верхомъ на меня, пойдемъ тѣхъ трехъ старухъ искать.

Сѣлъ Иванъ-Сирота верхомъ на пса, и понесся песь богатырскій по полямъ и лѣсамъ, шибче ласточки быстро-летней.

Долго ли, коротко ли бѣжалъ песь быстроногій, а только прибѣжалъ онъ, наконецъ, въ седьмое царство.

Перебѣжалъ песь черезъ огромное поле, перепрыгнулъ черезъ рѣку, побѣжалъ лѣсомъ.

Глядитъ Иванъ-Сирота—избушка стоитъ.

Стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, къ нему задомъ, а передомъ къ такой чащѣ, сквозь которую и продраться силкомъ нельзя.

Иванъ и говоритъ:

— Избушка, избушка, повернись ко мнѣ передомъ, а къ чащѣ задомъ.

Избушка и повернулася.

Слѣзъ на землю Иванъ-Сирота и только-было хотѣлъ въ избушку войти, а песь ему и говоритъ:

— Будеть тебя, хозяинъ, старуха потчевать. Все ѣшь и пей, только яблока нипочемъ не ѣшь.

Вошелъ Иванъ-Сирота въ избушку, а тамъ на скамейкѣ сѣдая старушка сидитъ.

Увидала старушка Ивана и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ, Иванушка, сюда пожаловалъ?

Разказалъ тутъ Иванъ-Сирота, какъ онъ разговоръ птичекъ подслушалъ, и сталъ старуху просить, чтобы та ему разрѣшеніе дала.

Старуха выслушала и говоритъ:

— Вотъ, отвѣдай сперва моего хлѣба-соли, а тамъ и разрѣшеніе тебѣ дамъ.

Накрыла тутъ старуха на столъ, вынула изъ печки разныя блюда и стала Ивана-Сироту разными вкусными кушаньями подчевать.

Потомъ достала съ полки красное яблочко и говоритъ:

— Закуси теперь сладкимъ яблочкомъ.

Только сколько ни упрашивала она Ивана то яблочко скушать, тотъ даже въ руки не захотѣлъ его взять.

Побилась-побилась старуха, видитъ, ничего съ Иваномъ не подѣлаешь, и говоритъ ему:

— Ну, Иванъ-Сирота, выдержишь ты искушеніе, получи же и мое разрѣшеніе.

Отрѣзала она тутъ прядку своихъ волосъ и говоритъ снова:

— Возьми ты эту прядку, поѣзжай къ моей сестрѣ, отдай ей эту прядку и разкажи ей, какъ ты у меня погостилъ.

Взялъ Иванъ-Сирота прядку волосъ, поблагодарилъ старуху, вышелъ изъ избушки, вскочилъ на пса богатирскаго и поѣхалъ дальше.

Долго ли, коротко ли ѣхали они, а только пріѣхали они на большую поляну.

Глядитъ Иванъ, а посреди поляны на одномъ столбѣ стоитъ избушка, да такъ шибко кружится, что вѣтеръ отъ нея идетъ.

Подѣхалъ Иванъ къ избушкѣ, слѣзъ на землю и говоритъ:

— Избушка, избушка, не вертись, а лучше остановись. Избушка остановилась.

Хотѣлъ-было Иванъ-Сирота въ нее войти, а песъ ему и говорить:

— Будетъ тебя, хозяинъ, старуха подчевать, а потомъ спать на скамейкѣ укладывать. Ъшь и пей все и спать ложись. Только какъ погаситъ старуха огонь, ты осторожно пошарь подъ лавкой. Будетъ у ней подъ той лавкой овца лежать. Возьми ты ту овцу и на свое мѣсто положи, а самъ подъ лавкой засни.

Вошелъ Иванъ-Сирота въ избушку, видитъ—за пряжей старуха сидитъ, еще старше, чѣмъ первая.

Увидала она Ивана и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ, Иванъ, ко мнѣ пожаловалъ?

Разказалъ тутъ ей Иванъ, какъ онъ птичій разговоръ подслушалъ, какъ у ея младшей сестры побывалъ, и подаль ей клокъ волосъ, который ему ея младшая сестра дала.

— Узнаю сестрины волосы, — сказала старуха. — Ну, милости просимъ. Отвѣдай моего хлѣба-соли, отдохни съ дороги хорошенько, а завтра и я тебѣ разрѣшеніе дамъ.

Накрыла тутъ вторая старуха столъ чистой скатертью, устала его весь разными вкусными кушаньями, наставила квасовъ да медовъ и стала Ивана-сироту подчевать.

А Иванъ ѣстъ, да похваливаетъ, пьетъ, да облизывается.

Глядь, и вечеръ наступилъ.

Наѣлся, напился Иванъ, а старуха ему и говорить:

— Ну, а теперь спать вотъ сюда, на скамейку, ложись. Посни хорошенько съ дороги.

Легъ Иванъ на лавкѣ, а старуха загасила лучину и легла на кровати.

Нашупалъ Иванъ подъ лавкой овцу, взялъ ее осторожно, положилъ на свое мѣсто, а самъ подъ лавкой легъ и заснулъ.

Услыхала старуха храпъ, поняла, что Иванъ заснулъ, слѣзла тихонько съ кровати, нашла ощупью острый топоръ,

подкралась къ тому мѣсту, гдѣ Ивана положила, нащупала овцу и думаетъ:

„Это голова Ивана“.

Размахнулась топоромъ она, да какъ ударить имъ по овцѣ, такъ голова овечья на полъ и покатилаь.

Бросила старуха на полъ топоръ, сама легла на постель и думаетъ:

„Нѣтъ ужъ, любезный, теперь не овладѣешь духомъ подземелья“.

Утромъ проснулся чуть-свѣтъ Иванъ-Сирота, увидѣлъ топоръ и овцу, топоръ спряталъ, а овцу и голову ея вынесъ изъ избы и закопалъ, полъ и лавку подмылъ, а самъ на лавкѣ легъ.

Проснулась старуха, да только ахнула.

А Иванъ-Сирота ей и говоритъ:

— Что смотришь, старуха? Думаешь, что если ты мнѣ голову отрубила, такъ я и мертвый. Да развѣ не знаешь, что у меня такая голова, что сколько ее ни руби, она снова на свое мѣсто пристанетъ. Коли первый разъ ее отрубить кто, то голова моя только на мѣсто станетъ, а коли кто ее во второй разъ отрубить, такъ голова сначала все кругомъ спалить, а потомъ на мѣсто станетъ.

Испугалась старуха, не рѣшилась во второй разъ пробовать Ивану голову рубить и говоритъ:

— Ну, добрый молодецъ, возьми и мое разрѣшеніе. Вотъ тебѣ перышко рябенькое; пріѣдешь къ нашей старшей сестрѣ, покажи ей это перышко, да расскажи ей, какъ у меня бывалъ.

А сама думаетъ:

„Ну, отъ старшей-то сестры ты не вывернешься!“

Поблагодарилъ Иванъ-Сирота вторую старуху, сѣлъ на пса богатырскаго и поѣхалъ дальше.

Ѣхалъ Иванъ, ѣхалъ, да и пріѣхалъ на опушку лѣса.

Смотритъ, а на той опушкѣ изба стоитъ, вокругъ избы заборъ высокій, а къ забору шести придѣланы, а на тѣхъ шести черепъ человѣческіе насажены.

Испугался Иванъ-Сирота.

А песъ ему и говоритъ:

— Не бойся, хозяинъ. Ёшь и пей смѣло, только не бери съ собой ничего отъ нея въ дорогу.

Вошелъ въ избу Иванъ-Сирота.

И ворота и двери передъ нимъ сами открылись,

Увидала Ивана третья старуха и говоритъ:

— Здравствуй, Иванъ-Сирота. Зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ?

Разказалъ и ей Иванъ, какъ подслушалъ птичій разговоръ, какъ побывалъ у двухъ ея младшихъ сестеръ, и подаль ей перышко рябенъкое.

Посмотрѣла старуха на перышко и говоритъ:

— Да, это перышко курочки моей средней сестры. Ну, милости просимъ. Закуси, чѣмъ Богъ послалъ, а потомъ я тебѣ и разрѣшеніе дамъ.

А сама старуха и думаетъ:

„Разрѣшеніе-то я тебѣ дамъ, да доѣдешь ли съ нимъ, молодецъ, до мѣста“.

Накрыла старуха на столъ, наставила на него разныя кушанья, наставила медовъ сладкихъ и стала Ивана подчивать.

Наѣлся, напился Иванъ, а старуха ему и говоритъ:

— Ну, получи, Иванушка, и мое разрѣшеніе. Поѣзжай въ путь-дороженьку. Возьми съ собою этотъ перстень съ камнемъ самоцвѣтнымъ. Безъ него не подойти тебѣ къ плитѣ. Какъ подъѣдешь ты къ плитѣ на сто верстъ, надѣнь этотъ перстень на палецъ и тогда смѣло поѣзжай. А откуда сто верстъ до плиты останется, ты узнаешь по двумъ обгорѣлымъ липамъ, которыя рядомъ стоятъ.

Забылъ Иванъ-Сирота про слова своего пса и помчался дальше.

Долго ли, коротко ли, пріѣхалъ Иванъ-Сирота въ восьмое царство и доѣхалъ до двухъ обгорѣлыхъ липъ, что рядомъ стояли.

Вынулъ Иванъ изъ кармана старухинъ перстень, надѣлъ на палецъ.

И только успѣлъ онъ надѣть перстень, какъ тутъ же свалился мертвымъ на землю.

Заплакалъ песъ богатырскій.

Понялъ онъ, что не послушалъ его указаній Иванъ-Сирота, да только никакъ не могъ догадаться, что взялъ онъ у старой колдуньи.

Съѣлъ онъ около мертваго Ивана и завылъ жалобно.

Потомъ сталъ осматривать Ивана и увидѣлъ на пальцѣ его перстень съ камнемъ самоцвѣтнымъ.

Вдругъ слышитъ песь—шумъ по лѣсу идетъ.

Догадался вѣрный песь, что это старая колдунья идетъ, чтобы Ивану голову отрубить и на шесть у своего забора ее насадить.

Схватилъ песь Ивана за палецъ и откусилъ его вмѣстѣ.

Какъ только откусилъ песь палецъ у Ивана, такъ Иванъ сразу и ожилъ.

А песь вѣрный нечаянно палецъ съ перстнемъ проглотилъ.

Да тутъ же и сдохъ.

Посмотрѣлъ Иванъ-Сирота, видитъ — сдохъ его вѣрный песь.

Заплакалъ Иванъ-Сирота.

А шумъ по лѣсу все сильнѣе идетъ.

Услыхалъ его Иванъ и побѣждалъ безъ оглядки, куда глаза глядятъ.

Добѣжалъ онъ до какой-то пещеры и спрятался въ ней.

Вотъ прибѣжала злая вѣдьма къ двумъ обгорѣлымъ липкамъ и зашипѣла отъ злобы.

Думала Ивана найти, а нашла пса.

Жалко стало ей перстня чудеснаго.

Думала она Ивана мертвымъ найти, голову ему отрубить, а перстень назадъ послѣ этого себѣ назадъ взять, а вышло, что отъ перстня собака сдохла, а Иванъ невредимымъ куда-то ушелъ.

Стала колдунья Ивана искать.

Избѣгала весь лѣсъ, да какъ ни съ чѣмъ къ двумъ липкамъ и вернулась.

Стала она около пса колдовать и узнала, что кольцо ея у пса въ желудкѣ лежитъ.

Вынула она изъ кармана порошокъ и посыпала его въ ноздри псу.

Песъ отъ этого порошка какъ чихнетъ.

Кольцо съ пальцемъ и выскочило.

Ожилъ сразу песъ, да пока колдунья перстень съ Иванова пальца снимала, пустился со всѣхъ ногъ прочь отъ колдуньи.

Оглянулась колдунья, а пса и слѣдъ простыль.

Вѣжитъ песъ по лѣсу, а самъ слѣды обнюхиваетъ.

Добѣжалъ онъ, наконецъ, до той пещеры, въ которой Иванъ-Сирота скрылся, вбѣжалъ въ нее и предсталъ передъ Иваномъ.

Обрадовался Иванъ, сталъ своего друга гладить и ласкать, а песъ и говоритъ:

— Ну, хозяинъ, мѣшкать некогда. Садись ко мнѣ на спину, да поѣдемъ дальше.

Въ часъ сто верстъ проѣхали и очутились, наконецъ, на большой лужайкѣ.

Поискалъ Иванъ-Сирота и нашелъ на лужайкѣ плиту чугунную съ чугуннымъ кольцомъ.

Всталъ передъ нею Иванъ-сирота и произнесъ:

— Духъ, появись!

Не успѣлъ онъ промолвить эти слова, какъ плита съ шумомъ поднялась, и изъ подземелья выскочилъ огромный духъ.

— Я слушаю твои приказанія, господинъ,—проговорилъ духъ.

Подумалъ-подумалъ Иванъ и говоритъ:

— Приготовь-ка ты намъ прежде всего поѣсть.

Хлопнулъ духъ въ ладоши, и тотчасъ же нѣсколько подвластныхъ ему духовъ выскочило изъ подземелья, неся два стола, два стула, разные кушанья, фрукты, сласти и напитки.

Сѣли—Иванъ за одинъ столъ, а песъ за другой, и принялись за ѣду.

Наѣлся досыта Иванъ и спрашиваетъ:

— Что вы за духи и что это за подземелье?

— Я духъ этого подземелья,—отвѣтилъ первый духъ.— А остальные духи—мои слуги. Скрыты въ этомъ подземельѣ богатства тѣхъ трехъ старухъ, у которыхъ ты былъ.

Много добрыхъ молодцевъ до него добирались, да хоть сестры и давали разрѣшеніе, но всеъ молодцы либо у пер-

вой засыпали, либо у второй погибали, либо у третьей головы складывали. А теперь ты—нашъ господинъ. Только берегись, не захотятъ онѣ тебя простить, что ты ихъ со-кровищами овладѣлъ, и постараются тебя отомстить.

Только-что сказалъ это духъ, какъ послышался въ лѣсу гулъ.

А это три колдуньи вмѣстѣ собрались и за Иваномъ въ погоню пустились.

Летятъ по лѣсу, деревья съ корнями выворачиваютъ да словно соломинки ихъ по сторонамъ пошвыриваютъ, дорогу себѣ очищаютъ.

Обернулся Иванъ-Сирота къ духу и говоритъ ему:

— Закрой подземелье такъ, чтобы колдуньи его открыть не могли. Да садись за моей спиной.

Заперъ духъ подземелье, а гулъ все громче становится, такъ по лѣсу трескъ и идетъ.

Вскочилъ на пса богатырскаго Иванъ-Сирота, посадилъ сзади себя духа, и понесся песь, словно вѣтеръ степной.

Долго скакали они, да вдругъ слышатъ тихій шумъ сзади.

Остановилъ пса Иванъ-Сирота, приложилъ ухо къ землѣ и сталъ прислушиваться.

Слышитъ трескъ и гулъ по лѣсу идетъ.

Догадался онъ, что три колдуньи за нимъ гонятся.

Вскочилъ онъ снова на пса, и помчался песь богатырскій еще быстрее.

Три дня и три ночи мчался вѣрный песь безъ отдыха.

А шумъ все ближе и ближе, шумъ все слышнѣе и слышнѣе, лѣсъ такъ и стонетъ отъ треска.

Оглянулся Иванъ-Сирота, а три колдуньи ихъ уже нагоняютъ, только четверть версты имъ до Ивана осталось.

Набрался силъ песь богатырскій, припустилъ что есть духу, оглянулся Иванъ назадъ, а колдуньи не отстаютъ, только все еще больше приближаются.

Уже нѣсколько саженой осталось, вотъ-вотъ схватятъ пса и Ивана.

Вспомнилъ тутъ Иванъ-Сирота про перстенецъ, который ему старикъ далъ.

Надѣлъ онъ его на палецъ и только успѣлъ его надѣть, какъ за хвостомъ пса огненная рѣка образовалась.

Очутились всѣ три колдуньи въ огненномъ пламени, да такъ и сгорѣли въ немъ.

Спряталъ Иванъ-Сирота перстенецъ обратно въ кар-

манъ, огненное море исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли всѣ три колдуньи.

Обрадовался Иванъ-Сирота и говоритъ:

— Ну, песъ мой вѣрный, неси ты насъ снова назадъ, къ подземелью злыхъ колдуній.

Повернулъ песъ и помчался назадъ.

Вотъ бѣжалъ онъ, бѣжалъ и прибѣжалъ, наконецъ, до того самаго мѣста, гдѣ подземелье находилось.

Хлопнулъ духъ въ ладоши, и тотчасъ же отворилось подземелье.

Выскочили изъ него второстепенные духи, схватили Ивана-Сироту и спустили его на дно колодца.

Открылъ старшій духъ дверь, и Иванъ вошелъ въ огромный залъ, освѣщенный свѣтомъ, который исходилъ неизвѣстно откуда.

И увидалъ тутъ Иванъ, что весь залъ наполненъ серебряными сосудами, посудой, дорогими коврами и разными картинами и кучами серебряныхъ монетъ.

— Это сокровища младшей колдуньи, теперь все это принадлежитъ тебѣ, господинъ мой,—проговорилъ духъ.

Полюбовался Иванъ чудными вещами и пошелъ дальше за духомъ.

Вошли они въ другой залъ.

Видитъ Иванъ,—наполненъ залъ разной золотой посудой, драгоценными золотыми вазами, столами и стульями изъ слоновой кости.

— Это, господинъ, сокровища второй сестры,—проговорилъ духъ.—Но ничего такъ не цѣнила колдунья, какъ вотъ эту палочку.

Тутъ духъ подвелъ Ивана-Сироту къ золотому столу и показалъ ему хрустальную палочку.

— Если махнешъ ты, господинъ, этой палочкой, то тотчасъ же появится на томъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь, хрустальный дворецъ,—сказалъ духъ.

Взялъ Иванъ палочку и пошелъ дальше.

Вотъ вошли они въ третій залъ.

Взглянулъ Иванъ, да такъ и ахнулъ.

Видитъ — самоцвѣтные камни грудами лежатъ, такъ разными огнями и горятъ.

А у задней стѣны, на кровати изъ слоновой кости, царевна стоитъ.

Такъ прекрасна была царевна, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать.

Взглянуть на нее Иванъ—и глазъ отъ нея отвести не можетъ.

А духъ и говорить:

— Это богатство старшей колдуньи, господинъ. Тридцать лѣтъ томилась у нея въ заточеніи царевна, тридцать лѣтъ спала она непробуднымъ сномъ. Но если ты возьмешь воды вонъ изъ того золотого кубка и вспрыснешь ее, она тотчасъ же проснется.

Обрадовался Иванъ.

Схватилъ онъ кубокъ золотой и вспрыснулъ царевну живой водой.

Открыла царевна ясныя очи, стала Ивана-Сироту благодарить.

Взялъ ее царевичъ за бѣлыя руки и тутъ же ей предложеніе сдѣлалъ.

Посмотрѣла прекрасная царевна на Ивана-Сироту, и понравился ей добрый молодецъ.

Согласилась она стать его женой, и пошли они вонъ изъ подземелья.

А духу Иванъ-Сирота приказалъ изъ подземелья все богатства вывести и на верблюдовъ погрузить.

Хлопнулъ въ ладоши большой духъ.

И появились передъ нимъ все подвластные ему духи.

Приказалъ имъ старшій духъ тотчасъ же тысячу верблюдовъ достать и на нихъ все богатства погрузить.

А Ивана-Сироту и царевну самъ старшій духъ изъ подземелья вынесъ.

Поклонился тутъ духъ Ивану и говорить:

— Сослужилъ я тебѣ службу, Иванъ-Сирота, отпусти ты насъ теперь на свободу. Долго жили мы въ неволѣ у трехъ колдуній, только и дѣлали, что ихъ богатства стерегли. А я тебѣ послѣднюю службу сослужу.

— Ладно, — отвѣчаетъ Иванъ.

Духъ и говорить:

— Поѣзжай на востокъ, все прямо. Проѣдешь ты ров-

но сорокъ дней и въѣдешь въ царство, въ которомъ умеръ недавно царь. Не было у того царя дѣтей, и осталось теперь это царство безъ царя. Какъ увидить тебя народъ, такъ сразу тебя на царство попросить.

Поблагодарилъ тутъ Иванъ-Сирота духа и отпустилъ его и всѣхъ подвластныхъ ему духовъ на свободу.

Глянулъ Иванъ,—а караванъ уже готовъ.

Стоять нагруженные верблюды, а около нихъ погонщики и стража сильная.

Сѣлъ тутъ Иванъ-Сирота съ царевной на пса своего богатырскаго, и поѣхали все прямо на востокъ.

Ровно сорокъ дней ѣхали они прямо на востокъ.

И, наконецъ, въѣхали въ столицу того царства, въ которомъ недавно царь умеръ.

Увидали жители, сановники и бояре Ивана, увидали прекрасную царевну и богатство Ивана и стали просить Ивана, чтобы онъ сталъ въ ихъ царствѣ царствовать и ими управлять.

Согласился Иванъ.

Вынулъ онъ тутъ хрустальную палочку, махнулъ ею, и появился въ ту же минуту около него дворецъ изъ чистаго хрусталя.

Все было въ томъ дворцѣ изъ хрусталя: и самый дворецъ, и службы, и конюшни.

Взялъ Иванъ царевну за руки бѣлыя и повелъ во дворецъ.

А песъ богатырскій вдругъ объ землю ударился, обернулся добрымъ молодцемъ и говорить:

— Ну, Иванъ-Сирота, вотъ и надо мною теперь заклинаніе кончилось. Послужилъ я тебѣ псомъ, послужу тебѣ теперь витяземъ.

Собралъ тутъ Иванъ-Сирота всѣхъ сановниковъ, бояръ и народъ, задалъ пиръ на весь міръ и сыгралъ свадьбу.

И сталъ съ тѣхъ поръ въ своемъ царствѣ царствовать, жену свою лелѣять и подданными управлять.

А витязь, въ котораго песъ обернулся, его первымъ другомъ и помощникомъ сдѣлался.